

А. ТВАРДОВСКИЙ

P180606

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН

О Г Ц З
ГОСЛИТИЗДАТ
1944

О Г И З
ГОСЛИТИЗДАТ
1944

А. ТВАРДОВСКИЙ

ВАСИЛИЙ
ТИЕРКИН

КНИГА
ПРО
БОЙЦА

ГОСЛИТИЗДАТ

Рисунки худ. Ореста Верейского

О Т А В Т О Р А

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной—
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки какой угодно,
Из ручья, из-под льда —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б вода.

На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой—
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.
Важно только, чтобы повар,
Был бы повар парень свой.

Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей—
Лишь была б она с наваром,
Да была бы с пылу, с жару—
Подобрей, погорячей.
Чтоб итти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.

Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки
От бомбёжки до другой,
Без хорошей поговорки
Или присказки какой,
Без тебя, Василий Тёркин,
Вася Тёркин—мой герой.

А всего иного пуще
Не прожить наверняка—
Без чего?
Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька...

Что ж ещё? И всё, пожалуй.
Словом, книга про бойца,
Без начала, без конца.

Почему так—без начала?
Потому что сроку мало
Начинать её сначала.
Почему же без конца?
Просто—жалко молодца.

С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не в праве,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Тёркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счёт.

Словом, книгу с середины
И начнём.
А там пойдёт.

І. НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колёсах прямо.
Суп—во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик—он был старик
Чуткий, это точно.

Слышь, подкинь ещё одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь, чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок—
Парень этот новый».

Ложку лишнюю кладёт,
Молвит не сердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот:—Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте.
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?»—бойцы между собой—
«Свой!»—переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый,
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчёт войны
Вёл беседу Тёркин.

— Вам, ребята, с серединки
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки—и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

— Сабантуй—какой-то праздник?
Или что там—сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь,—не толкуй.
Вот под первую бомбёжкой
Полежишь с охоты в лёжку,
Жив остался—в ус не дуй.
Это малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,
Закури и вновь воюй.
Хуже, брат, как миномётный
Вдруг начнётся сабантуй.
Тот проймёт тебя поглубже,—
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,—
Это средний сабантуй.

Сабантуй—тебе наука,
Враг лютует—сам лютуй.
Но совсем иная штука—
Это главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул—в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.

— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди—какой расчёт?
— Но зачем же сразу тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.
— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.

— Ладно. Что там триста, двести—
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк—он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маята:

Вдруг как сослепу задавит,—
Ведь не видит ни черта.

А ещё, гляди, ударит
Сабантуй тебя в башку
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку...

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врёт
Весело и складно.

Хорошо, когда к лицу
Вздор незаменимый.
Хорошо, когда в лесу—
Дом тебе родимый.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят:—Ну-ка, на ночь
Расскажи ещё чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра,
Чуть костёр дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке,
Меж товарищей-бойцов,
Лёг Василий Тёркин.
Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша—небо, хата—ель.
Корни жмут под рёбра.

Но не видно, чтобы он
Удручён был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.
Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину
И приник к земле сырой,
Одолён истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит—хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Как присловье говорит:
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон,
Как от западной границы
Отступал к востоку он.
Как прошёл он, Вася Тёркин,
Из запаса рядовой,
В просолённой гимнастёрке
Сотни вёрст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь. А то—своя.

Спит герой, храпит—и точка.
Принимает всё, как есть.
Ну, своя—так это ж точно.
Ну, война—так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосной высокой.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнётся.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнётся.
И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Тёркин, в нашу роту.

*

Тёркин—кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.

Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силён,
Скажем откровенно:
Красотою наделён
Не был он отменной.
Не высок, не то чтоб мал,
Но герой-героем.

На Карельском воевал—
За рекой Сестрою.

И не знаем почему,—
Спрашивать не стали,—
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернём,
Скажем для порядка:

Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй июня, в бой июля—
Снова Тёркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась ещё по мне.
Был задет не раз в атаке,—
Зажило, чуть видны знаки.
Трижды был я окружён,
Трижды—вот он!—вышел вон.

И хоть было беспокойно—
Оставался невредим
Под косым и под трёхслойным,
Под навесным и прямым...

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был «рассеян» я частично,
А частично «истреблён»...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне—с места, с места—в бой.
Курит, ест и пьёт со вкусом
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо,—
Не сдавай, вперёд гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

II. ПЕРЕД БОЕМ

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счёт войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.
Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью, за советской,
Вслед за фронтом шёл наш брат...

Шёл наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шёл поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Полям шёл, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потёмках,

И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шёл он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тётка, где ж она откажет:
Хоть какой, а всё ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
— Вернуться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Шли, однако. Шёл и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.
Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу

Повторял:
— Не унывай.

Не зарвёмся, так прорвёмся,
Будем живы—не помрём.
Срок придёт, назад вернёмся,
Что отдали—всё вернём.

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он всё думал, думал...
— Брось ты думать,—говорю.
Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня,
Как ты мыслишь, политрук?

180606
Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нём?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдём...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь...
Впереди идёт далёко,
Оторвался—не поспеть.

А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплём,
Осторожный и серьёзный,
Вёл он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.
Знай вперёд, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,

Впереди тебя прошла.
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну.

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую—на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришёл.
Будто так, а всё иначе...

— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечь.

Дети спят. *Жена хлопчет
В горький, грустный праздник свой.
Как ни мало этой ночи,
А и та—не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенце с петухами
Достаёт, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И не малые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лёг хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждёт оттуда,
Из угла.

Неловко мне.
Все товарищи уснули,
А меня не гнёт ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да по присловью
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх, и всё—шинель.

Эх, суконная, казённая,
Военная шинель,
У костра в лесу прожжённая,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнём врага,
Да своей рукой зашитая—
Кому не дорога!

Упадёшь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют, так тело мёртвое
Твоё, с другими в ряд,
Той шинелкою потёртою
Укроют—спи, солдат!

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.

— Ты чего?—А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома—на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.
Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.
Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,
Поглядят—пришёл отец.
Поглядят—бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.
И заплакали ребята.
И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доньше плач тот детский
В ранний час лихого дня
С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовёт меня.

Я б мечтал не ради славы,
Перед утром боевым,
Я б желал на берег правый,
Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки:
Приведись мне там игти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути.
Попросить воды напиться,—

Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит,—
«Полагаю, жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.
Потому—хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы,
Надо немца бить спешить.
Вот и всё, что Тёркин вкратце
Вам имеет доложить.

III. ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода,—
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошёл. Второй—за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой

Басовым железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу—будто не они.
Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят.
Как-то все дружнее и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...
Поглядеть, и впрямь—ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженный народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи—отцы.
Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём кремнёвым
Русский труженик-солдат.
Мимо их висков вихрастых,
Возле их весёлых глаз
Смерть в бою свистела часто
И минёт ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом,
А вода ревёт правее—
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревёт в теснине,
Ранний лёд в куски крошит.
Меж погнутых балок фермы
Бьётся в пене и в пыли...
А уж первый взвод, наверно,

Достаёт шестом земли.
Позади шумит протока,
И кругом чужая ночь.
И уже он так далёко,
Что ни крикнуть, ни помочь.
И чернеет там зубчатый,
За холодною чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над чёрною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересёк нангосок.
И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны—в ряд.
Густо было там народу—
Наших стриженных ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди тёплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнём неразбериха—
Где свои, где кто, где связь?
Только вскоре стало тихо,—
Переправа сорвалась.

Переправа, переправа...
Темень, холод... Ночь, как год.

Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нём молчат ребята
В боевом родном кругу,

Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу,
За ночь грудую взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было—жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.
Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мёрзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом.
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперёд и ни назад...

А быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи.
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пылью лежит на лицах—
Мёртвым всё равно.
Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть ещё паёк им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паёк им пишет,
А по почте полевой
Не быстрее идут, не тише
Письма старые домой,

Что ещё ребята сами
На привале при огне
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы—
Спят бойцы. Своё сказали,
И уже—навек правы.
И тверда, как камень, груди.
Где застыли их следы...

Может так, а может—чудо?

Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеда.

Долги ночи, жёстки зори
В декабре—к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что нивёсть.

То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке.
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?
— Нет, не чурка и не бочка,
Просто глазу маята.

— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода! Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было—впервой.

Подошёл сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастёрки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Тёркин?—
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться...
— Братцы—он!

И береговую корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Тёркин
Встал живой,—добрался вплавь.
Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает—свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали—
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.
Растирали, растирали,
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли

Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?..

Дали стопку—начал жить.
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу,
Жив-здоров, назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнём
Встанем, ноги разомнём.
Что там есть, перекалечим—
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец,—сказал полковник.—
Молодец! Спасибо, брат...

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А ещё нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много—
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идёт святой и правый,
Смертный бой—не ради славы,
Ради жизни на земле.

IV. О ВОЙНЕ

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.
А война—про всё забудь
И пенять не в праве.
Собирался в долгий путь,
Дан приказ:—Отставить!
Грянул год, пришёл черёд,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за всё на свете.
От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе—это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,

Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я—не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.
Невелик тебе расчёт
Думать в одиночку.
Бомба—дура. Попадёт
Сдуру прямо в точку.
На войне себя забудь,
Помни честь однако:
Рвись до дела—грудь на грудь,
Драка—значит драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину—
Стенкою на стенку.
Тут не то, что на кулак—
Поглядим, чей дюже.
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну да что о том судить,
Ясно все до точки:
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.
Раз война—про всё забудь
И пенять не в праве.
Собирался в долгий путь,
Дан приказ:—Отставить!

Что успел—на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты—тот боец,
Что для боя годен.
И пойдёшь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь—ещё живой
Будешь сам в придачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
Может, что-нибудь про нас
Доброе напишут.
Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы.
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

У. ТЁРКИН Р А Н Е Н

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты—снега легли.

И густой позёмкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мёрзлой груди,
По землянкам без огней,

Возле танков и орудий,
И простуженных коней.
На войне встречали люди
Долгий счёт ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла.
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!
И желал наш добрый парень:
Пусть помёрзнет немец-барин.
Немец-барин не привык,
Русский стерпит—он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотнёй по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.
Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костёр с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомлённые ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жёстким, как песок.

А потом—гуськом по стёжке,
Соблюдая свой черёд,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шёл за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота.
Жизнь как жизнь.
И опять война—работа:
— Становись!

Вслед за ротой на опушку
Тёркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть,—
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула,
Снег чернеет от огня.

Тёркин крутит:—Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнул бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдёт,
Дунул в трубку для порядку.
Командиру подаёт.

Командиру всё впривычку,—
Голос в горсточку, как спичку,
Трубку книзу, лёг бочком,
Чтоб позёмкой не задуло.
Всё в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнём расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалёкой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоёт над головой.

А с позиций отдалённых,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.
И пойдёт, пойдёт на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь.
Дом—так дом. Блиндаж—блиндаж.
Врёшь, не высидишь—отдашь!
А ещё остался кто там,
Запорошенный песком,

Погоди, встаёт пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Тёркин дальше тянет провод.
Взвод—за валом огневым,
Тёркин с ходу—вслед за взводом.
Топит провод точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрыгтых, вспаханных кругом,—
Чох!—снаряд за вспышкой ржавой.
Тёркин тотчас в снег ничком.
Вдался вглубь, лежит—не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...
Хвост овечий, сердце бьётся,
Расстаётся с телом дух.
Что ж он, чорт, лежит—не рвётся
Ждать мне больше недосуг.

Приподнялся, глянул косо:
Он почти у самых ног—
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра,
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился—смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.
Тёркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:
— Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится,—говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,

Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

Видит Тёркин погребушку,—
Не оттуда ль пушка бьёт?
Передал бойцам катушку:
— Вы—вперёд. А я—в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой,
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.
— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.
Что там дальше—поглядим.
Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдаётся в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.
Бьют неплохо, спору нету,
Добрым словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали они.
Прочно сделали, надёжно—
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся—точно в хате:
Печка тёплая в углу,
Вдоль стены идут полати,
Банки, склянки на полу.
Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежды, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну, что же,
В обороне нынче—я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут—один, другой...

Тёркин, стой. Дыши ровнее,
Тёркин, ближе подпусти.
Тёркин, целься. Бей вернее,
Тёркин. Сердце, не части.
Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.
Подходил он в чём-то белом,
Наклонившись от огня,
И, как будто дело делал,
Шёл ко мне—убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...

Тёркин, друг. Не дай осечки.
Пропадёшь, имей в виду.

За секунду до разрыва—
Знать, хотел подать пример—
Прямо в ровик прыгнул живо
В полушубке офицер.
И поднялся незадетый,
Целый. Ждём за косяком.
Офицер—из пистолета,
Тёркин—в мягкое штыком.
Сам присел, присел тихонько,
Повело его легонько.
Тронул правое плечо—
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь—чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжёлый,
Аж подвинулась земля.
Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

«Это наши,—понял парень,—
Наши бьют, теперь каюк».

Оглушённый тяжким гулом,
Тёркин шикнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.
Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течёт, дела—табак.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.
На полу в холодной яме
Неохота нипочём
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.
Жалко жизни той, признаться,
Малость хочется пожить,
Отогреться, отоспаться.
Да портянки просушить...
Тёркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя.

А тем часом издалёка,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягчённый сам собой,
С пушкой, в душу наведённой,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За бронёй стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое, четверо знакомых,
Наших стриженных ребят.
И пускай в бою впервые,
Но ребята—свет пройди,
Ловят в щели смотровые

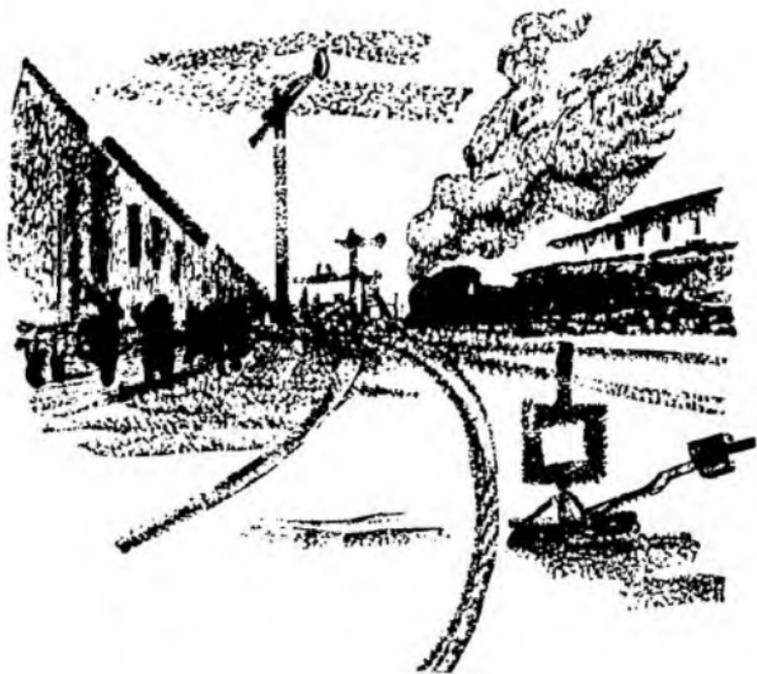
Кромку поля впереди.
Видят, вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!
Может быть, притих до срока
У орудия расчёт?
Развернись машина боком—
Бронебойным припечёт.
Или немец с автоматом—
Лезть наружу не дурак—
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так!
Двое вслед за командиром,
Вниз—с гранатой—вдоль стены.
Тишина. Углы темны...

— Хлопцы, занята квартира,—
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,
Голос хриплый, да родной.
— Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной.

В темноте, в углу каморки
На полу боец в крови.
Кто такой? Но смолкнул Тёркин.
Как там хочешь, так зови.
Он лежит с лицом землистым,
Не моргнёт, хоть глаз коли.
В самый срок его танкисты
Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Тёркин без дорог.
И держал его в обнимку
Хлопец—башенный стрелок.
Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

VI. О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый,
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.
На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.
Воевали—не гуляли,
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчёт медали:
Мне её тогда подай.
Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое—
Человек пришёл с войны.

Вот пришёл я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришёл, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий—
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И, явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку.
А достал бы я «Казбек».
И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал
Ноги босые свои.
И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

Как, мол, что?—Бывало всяко.
Трудно все же?—Как когда.
Много раз ходил в атаку?—
Да случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.
И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...
И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!
Ждёт девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка—самый цвет.

— Нет,—сказал Василий Тёркин
И вздохнул. И снова:—Нет.
Нет, ребята. Что там орден,
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль...

VII. ГАРМОНЬ

По дороге прифронтной,
Запоясан, как в строю,
Шёл боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шёл легко и даже браво
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою, рукой.
Отлежался. Да к тому же
Щёлкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, подмышки нёс.

Вдруг—сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофёр,
Тормозит:
— Садись, пехота,

Щёки снегом бы натёр.
Далеко ль?
— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?
— Покамест нет.
— Доставай тогда кiset.

Курят, едут. Гроб—дорога.
Меж сугробами туннель.
Чуть ли что, свернёшь немного,
Как свернул—снимай шинель.
— Хорошо, как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо—свои ребята.
— Хорошо. Да как когда...

Грузовик гремит трёхтонный.
Вдруг колонна впереди.
Будь бы пеший или конный,
А с машиной—стой и жди.
С толком пользуйся стоянкой.
Разговор—не разговор.
Наклонился над баранкой,
Смолк шофёр.
Заснул шофёр.

Сколько суток полусонных,
Сколько вёрст в пурге слепой
На дорогах занесённых
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые—криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперёд—назад.
Гусеницы и колёса
На снегу ещё визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,

Дует в душу, входит в грудь—
Не дотронься как-нибудь.
— Вот беда! Во всей колонне
Завалившей нет гармонии,
А мороз—ни стать, ни сесть...

Снял перчатки, трёт ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Умная снег зернистый,
Впеременку,—пляс—не пляс,—
Возле ташка два танкиста
Греют ноги прозапас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток,—
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть—оно б не вред.
— В чём же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет.

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так...—
С пеловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нежотя, обидел вдруг.
Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:

— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж её беречь.

А стрелок:
— Вот в этой башне

Он сидел в бою вчерашнем...
Трое—были мы друзья.

— Да нельзя, так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, браг, войну...
И ранение имею
И контузию одну.
И опять же—посудите—
Может, завтра с места в бой.

— Знаешь что,—сказал водитель,
Ну, сыграй ты, шуг с тобой!—

Только взял боец трёхрядку,
Сразу видно—гармонист.
Для начала, для порядку,
Кинул пальцы сверху вниз.
Что-то медленно по слуху
Подбирал, как будто лень,
На гармонь склонившись ухом,
Шапку сдвинув набекрень.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.
От машин заиндевелых
Шёл народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь.

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок,
Всё глядят на гармониста,—
Словно что-то невдомёк.
Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...

И, сменивши пальцы быстро,
Он, как будто на заказ,

Вдруг повёл о трёх танкистах,
Трёх товарищах рассказ.
Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.

И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовёт куда-то,
Далеко, легко ведёт.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой ещё народ.
Я не то ещё сказал бы,—
Про себя поберегу,
Я не так ещё сыграл бы,—
Жаль, что лучше не могу.
Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И давайте я на шутку
Это всё переведу.—

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.
— Отморозил парень пальцы,—
Надо помощь скорую.

— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом.
И как будто ту трёхрядку
Повернул другим концом.

И забыто—не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому ещё лежать.
И кому траву живому
На земле топтать потом,

До жены притти, до дому,—
Где жена и где тот дом!
Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы,
На носки не наступать!

И бежит шофёр тот самый,
Опасаясь опоздать.
Чей кормилец, чей поилец,
Где пришёлся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру!

И пошёл, пошёл работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.
Словно в праздник на вечерке
Половицы гнёт в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.
Подаёт за штукой штуку:

— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг—
Мощёный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому—каюк!

А гармонь зовёт куда-то,
Далёко, легко ведёт.
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места—в воду и в огонь.

Всё, что может быть на свете,
Хоть бы что—гудит гармонь.
Выговаривает чисто,
До души доносит звук.

И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою,
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежа,
И просил ты пить, да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.

— Нам теперь стоять в ремонте,
У тебя маршрут иной.

— Это точно!
— А гармонь-то,
Знаешь что, бери с собой.
Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту...

— Что вы, хлопцы, как же так?

— Ничего,—сказал водитель,—
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это—память про него...

И с опушки отдалённой,
Из-за тысячи колёс,
Из конца в конец колонны:
«По машинам!»—донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да ёлки с двух сторон.
Едет дальше Вася Тёркин,—
Это был, конечно, он...

VIII. ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трёх верстах гудит война.
На печи в избе—старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит—Тёркин дома,
Тёркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведёт.
— Перелёт! Лежи, старуха.
Или скажет:
— Не долёт...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка
Как покорная подруга,

За повадкой старика,
С кем жила—не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого всегда держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы, кривит губы—
Точит старую пилу.
— Вот не режет, точишь, точишь,
Не берёт, ну, что ты хочешь!..
Тёркин встал:
— А может, дед,
У неё развода нет?

Сам пилу берёт:
— А ну-ка..
И в руках его пила,
Точно поднятая шука,
Острой спинкой повела.
Повела, повисла кротко.
Тёркин щурится:
— Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть—и то отрадно:
Завалившая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.
Обернулась—и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берёт пилу.
— Вот что значит мы, солдаты,—
Ставит бережно в углу.

А старуха:
— Слаб глазами.

Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны ещё стоят...—
Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально,—
Всё ж часы, а не пила,—
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...—
Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул, плюнул,—
Что ты думаешь—пошли!
Крутит стрелку, ставит пятый
Час, другой, вперёд—назад.

— Вот что значит мы, солдаты,—
Прослезился дед-солдат.

Дед растроган, а старуха,
Наострив, как можно, ухо,
С печки слушает:
— Идут!
Ну и парень, ну и шут...—
Удивляется. А парень
Услужить ещё непрочь.
— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.—
Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Тёркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец—значит, есть!

И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит.
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат,
Подтянулся:
— Виноват!..

Крошку хлебушка понюхал,
Пожевал—и сразу сыт.

А боец, тряхнул над ухом
Тою флягой, говорит:

— Рассуждая так ли, сяк ли,
Всё равно такую каплей
Не согреть бойца в бою.
Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ.
Что ты валенки мне хвалишь?
Разрешни-ка доложить.
Хороши? А где сушить?
Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне,—тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мёрзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чём—Василий Тёркин,
Как ни в чём—старик-солдат.

— Эти штуки в жизни нашей,—
Дед расхвастался,—пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.

Попадёт, откинешь ложкой,
А в тебя—так и мертвец.
— Но не знали вы бомбёжки,
Я скажу тебе, отец.

— Что ж не знал. Не та эпоха.
Воевал и так не плохо.
Но и ты отметить рад,
Ничего, видать, солдат.

— Говоря иначе—воин,
Рассуждать со мной достоин,
Ты—солдат, хотя и млад,
А солдат солдату—брат.
И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьёз,
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьём мы немца,
Неприятеля побьём?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь—захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подросток.
И платочек к подбородку
Ровно сложенный поднёс.
Отряхнул опрятно руки,
И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.

Молча в путь запоясался,
Осмотрелся—всё ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!
Всё припомнил, всё проверил,
Подогнал—и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьём, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трёх верстах гремит война.

На печи в избе—старуха,
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идёт Василий
Тёркин. Немца бить идёт.

IX. О ПОТЕРЕ

Потерял боец кисет,
Занскался—нет и нет.

Говорит боец:
— Досадно.
Столько вдруг свалилось бед.
Потерял семью. Ну, ладно.
Нет, так на тебе—кисет!
Запропастился куда-то,
Хвать-похвать, пропал и след.
Потерял и двор и хату.
Хорошо. И вот—кисет.
Кабы годы молодые,
А не целых сорок лет...
Потерял края родные,
Всё на свете и кисет.—
Посмотрел с тоской вокруг:
Без кисета, как без рук.

В неприютном школьном доме—
Мужики, не детвора.
Не за партой—на соломе,
Перетёртой, как костра.

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:

— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!
Вот судьба, товарищ Тёркин.—
Тёркин:
— Что там за судьба!
Так случиться может с каждым,—
Возразил бородачу,—
Не такой со мной однажды
Случай был. И то молчу.

И молчит, сопит сурово.
Кое-где привстал народ.
Из мешка из вещевого
Тёркин шапку достаёт.
Просто шапку меховую,
Той подругу боевую,
Что сидит на голове.
Есть одна. Откуда две?
— Привезли меня на танке,—
Начал Тёркин,—сдали с рук.
Только нет моей ушанки,
Непорядок чую вдруг.

И не то, чтоб стало зябко,
Просто гордость у меня.
Потому боец без шапки—
Не боец. Как без ремня.

А девчонка перевязку
Нежно делает, с опаской,
И, видать, сама она
В этом деле зелена.

— Шапку, шапку мне, иначе
Не поеду!—Вот дела.

Так кричу, почти что плачу,
Рана трудная была.
А она девчонка эта,
Словно «баюшки-баю»:
— Шапки вашей,—молвит,—нету,
Я вам шапку дам свою.—
Наклонилась и надела.
— Не волнуйтесь,—говорит.—
И своей ручонкой белой
Обколелась,—был небрит.

Сколько в жизни всяких шапок
Я носил уже—не счесть.
Но у этой даже запах
Не такой какой-то есть...

— Ишь ты, выдумал примету.
— Слышал звон издалека.
— А зачем ты шапку эту
Сохраняешь?
— Дорога.
Дорога бойцу, как память.
А ещё сказать могу,
По секрету, между нами,—
Шапку с целью берегу.
И в один прекрасный вечер
Вдруг случится разговор:
«Разрешите вам при встрече
Головной вручить убор...»

Сам привстал Василий с места
И под смех бойцов густой,
Как на сцене, с важным жестом
Обратился будто к той,
Что пять слов ему сказала,
Что таких ребят, как он,
За войну перевязала,
Может, целый батальон.

— Ишь, какие знает речи,
Из каких политбесед:
«Разрешите вам при встрече...»
Вон тут что. А ты—кисет.

— Что ж, понятно, холостому
Много лучше на войне:
Нет тоски такой по дому,
По детишкам, по жене.

— Холостому? Это точно.
Это ты как угадал.
Но поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал!

— Что ты знал! Кому другому
Знать бы лучше наперёд,
Что уйдёт солдат из дому,
А война домой придёт.
Что пройдёт она потопом
По лицу земли живой
И заставит рыть окопы
Перед самою Москвой.
Что ты знал!

— А ты постой-ка,
Не гляди, что с виду мал.
Я не столько,
Не полстолько,—
Четверть столько
Только знал.
Ничего, что я в колхозе,
Не в столице курс прошёл.
Жаль, гармонь моя в обозе,
Я бы лекцию прочёл.
Разреши одно отметить,
Мой товарищ и сосед:
Сколько лет живём на свете?
Двадцать пять! А ты—кисет.—
Бородач под смех и гомон
Роет вновь труху-солому,
Перещупал всё вокруг:
— Без кисета, как без рук...

— Без кисета, несомненно,
Ты боец уже не тот,
Раз кисет предмет военный.
На-ко мой, не подойдёт?

Принимай, я добрый парень.
Мне не жаль. Не пропаду.
Мне ещё пять штук подарят
В наступающем году.

Тот берёт кисет потёртый.
Как дитя, обновке рад...
И тогда Василий Тёркин,
Словно вспомнил:
— Слушай, брат!
Потерять семью не стыдно—
Не твоя была вина.
Потерять башку—обидно,
Только что ж, на то война.
Потерять кисет с махоркой,
Если некому пошить,
Я не спорю,—тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак.
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.
Сколько лет живём на свете?
Тыщу?.. Больше! То-то брат!
Сколько жить ещё на свете,—
Год, иль два, иль тыщи лет—
Мы с тобой за всё в ответе.
То-то брат! А ты—кисет!

Х. П О Е Д И Н О К

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко шит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай— не побежит.

Сытый, бритый, бережёный,
Даровым добром кормлёный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле,—

Он ударил, не страдая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была, как кость, большая
В русской варежке рука...

Не играл со смертью в прятки,—
Взялся—бейся и молчи.
Тёркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступленьи—ешь ты вдоволь,
В обороне—так ли, сяк,
В наступленьи—натошак.

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хряснул немца промеж глаз.
И ещё на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
Что уже обоймы, диски,
Автоматы—к чорту, прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубах пара,
Об ином уже не речь,—
Ладит Тёркин от удара
Хоть бы зубы забережь.

Но покуда Тёркин санки
Сколько мог,
В бою берёт,
Двинул немец, точно штангой,
Да не в санки,
А под вздох.

Охнул Тёркин: плохо дело,
Плохо, думает боец.
Хорошо, что лёгок телом—
Отлетел. А то б—конец...

Устоял—и сам с испугу
Тёркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.
Чорт с ней! Рад, что не промазал,
Хоть зубам не полон счёт,
Но и немец правым глазом
Наблюденья не ведёт.

Драка—драка, не игрушка;
Хоть огнём горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен, как яйцо.

Вот он—в полвершке—противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный—
Дух у немца изо рта.

Злобно Тёркин сплюнул кровью.
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрёшь чеснок!

Ах ты, племя нелюдское!
Ну, чеснок—куда ни шло,
Нет, так мясо жрёшь сырое,
Чтоб до баб тебя звало.

Ты куда спешил—к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
Подавай! А кто ты есть?
Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?
Со старухой сладить в силе?
Подавай! Нет, кто ты есть,
Что должны тебе в России
Подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий?
Или добрый человек?
Заблудился
По дороге,
Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.
Ты наводишь

Свой порядок.
Ты приходишь—
Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.
Человек по всем приметам—
Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю—зверь и враг—врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит,—
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка всё решит.
А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,
Самолёты, танки, пушки
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку—грудью, телом
Бьётся Тёркин, держит фронт.
На печальном том задворке,
У покинутых дворов
Держит фронт Василий Тёркин,
В забвенье глотая кровь.

Бьётся насмерть парень бравый,
Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Тёркина:
— Герой!
Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
Какова его работа
И какие тут дела.

Только Тёркин не в обиде.
Не затем на смерть идёшь,

Чтобы кто-нибудь увидел.
Хорошо б. А нет—ну что ж...
Бьётся насмерть парень бравый,
Так, как бьются на войне.
И уже рукою правой
Он владеет не вполне.
Кость гудит от раны старой.
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьётся Тёркин,
В драке зоркий,
Утирает кровь и дот.
Изнемог, убился Тёркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,
И побита морда вся,
Словно яблоко-полявка,
Что иначе есть нельзя.
Кровь—сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.

Немец горд,
И Тёркин горд.
— Раз ты пёс, так я—собака,
Раз ты чорт,
Так сам я чорт!

Ты не знал мою натуру,
А натура первый сорт.
В ключья шкуру—
Тёркин чуру
Не попросит, вот где чорт.
Кто одной боится смерти,
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты чорт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.

Бей, не милуй. Зубы, стисну.
А убьёшь, так и потом

На тебе, как клещ, повисну,
Мёртвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
Да свали меня вперёд.

Ах ты вон как! Драться каской?
Ну не подлый ли народ!
Хорошо же!—

И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Тёркин немца с левой—шмяк!

Немец охнул и обмяк...
Тёркин ворот нараспашку,
Тёркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжело,—
Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору—
В батальон итти обратною
Из разведки поутру.
По земле ступать советской,
Думать—мало ли о чём!
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом.

«Языка»—добычу ночи,—
Что идёт, куда не хочет,
На три шага впереди
Подгонять:
— Иди, иди!..

Видеть, знать, что каждый встречный—
Поперечный—это свой.
Незнаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про всё по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят,—

Будет мерою душа.
Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в неё кося.
А потом у печки жаркой
Ляг, поспи. Война не вся.
Фронт налево, фронт направо,
И в февральской вьюжной мгле
Страшный бой идёт кровавый,
Смертный бой—не ради славы,
Ради жизни на земле.

О Т А В Т О Р А

Сто страниц минуло в книжке,
Впереди—не близкий путь.
Стой-ка, брат. Без передышки
Невозможно. Дай вздохнуть.

Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину—
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну
Все про то же—про войну.

Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

Вот уж нынче повелось:
Рыбаку лишь о путище,
Печнику дудят о глине,

Леснику о древесине,
Хлебопёку о квашне,
Коновалу о коне,
А бойцу ли, генералу—
Не иначе—о войне.
О войне—оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны притти обратно,—
При победе над врагом.

Учинив за всё расплату,
Дай вернуться в дом родной
Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.

И тогда ему так сладко
Будет слушать по порядку
И подробно обо всём,
Что изведено горбом,
Что исхожено ногами,
Что испытано руками,
Что повидано в глаза,
И о чём, друзья, покамест,
Всё равно—всего нельзя...

Мёрзлый грунт долби, лопата,
Танк—дави, греми—граната,
Штык—работай, бомба—бей.
На войне душе солдата
Сказка мирная милей.

Друг-читатель, я ли спорю,
Что войны милее жизнь?
Да война ревёт, как море,
Грозно в дамбу упершись.
Я одно скажу, что нам бы
Поуправиться с войной,
Отодвинуть эту дамбу
За предел земли родной.

А покуда край обширный
Той земли родной в плену,
Я—любитель жизни мирной—
На войне пою войну.

Что ж ещё? И всё, пожалуй,
Та же книга про бойца,
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,

Впрочем, правде не во вред:
На войне сюжета нету.
— Как так нету?
— Так вот, нет.

Есть закон—служить до срока,
Служба—труд, солдат не гость.
Есть отбой—уснул глубоко,
Есть подъём—вскочил, как гвоздь.

Есть война—солдат воюет,
Лют противник—сам лютует.
Есть сигнал: вперёд!—Вперёд.
Есть приказ: умри!—Умрёт.

На войне ни дня, ни часа
Не живёт он без приказа
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.

Ни жениться, ни влюбиться
Он не может, нету прав.
Ни уехать за границу
От любви, как бывший граф.

Если в песнях и поётся,
Разве можно брать в расчёт,
Что герой мой у колодца,
У каких-нибудь ворот,—
Буде случай подвернётся,—
Чью то долю ущипнёт.

А ещё добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака.

От любой доганой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся—точка, брат!

И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать ещё о друге
Кое-что успеть бы мне.
Тем же ладом, тем же рядом,
Только стёжкою иной...

Пушки к бою едут задом,—
Это сказано не мной.

ХІ. КТО СТРЕЛЯЛ

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом мирным и простым.

В полверсте, в кустах,—противник.
Тут шагам и пядям счёт.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идёт.

По следам страды вчерашней,
По немислимой тропе.
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой густой траве.
По земле рябой от рытвин,
Рванных ям, воронок, рвов,
Смертным зноем жаркой битвы
Опалённых у краёв...
И откуда попустому

Долетел, донёсся звук,
Добрый, давний и знакомый
Звук вечерний. Майский жук!

И ненужной горькой лаской
Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.

И такой тоской родною
Сердце сразу обволокло.

Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на пятачок.

Отпляшись, а там сторонкой
Удаляйся в березняк,
Провожай домой девочку
Да целуй—не будь дурак.
Налегке иди обратно,
Мать заждалася...

И вдруг—
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

Звук тот самый, при котором
В прифронтовой полосе
Поначалу все шофёры
Разбегались от шоссе.
На одной постылой ноте
Ноет, воет, как в трубе.
И бежать, при всей охоте,
Не положено тебе.

Ты, как гвоздь, на этом взгорке
Вбился в землю. Не тоскуй.
Ведь—согласно поговорке—
Это малый сабантуй...

Ждут, молчат, глядят ребята,
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
Тут находится подстать.

С удивительной заботой
Предсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнёт. И жизни даст.

Жизни даст!

Со страшным рёвом
Самолёт ныряет вниз.
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

Смерть есть смерть. Её прихода
Все мы ждём по старине.
А в какое время года
Легче гибнуть на войне?
Летом солнце греет жарко
И вступает в полный цвет
Всё кругом. И жизни жалко
Дозарезу. Летом—нет.

В осень смерть подстать картине,
В сон идёт природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет, друзья...

А зимой—земля, как камень,
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками,—
Нет уж, ну её—зимой.

А весной, весной... да где там,
Лучше скажем наперёд:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью—не мёд,
Если в зиму дрожь берёт,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки душу рвёт.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти чёрной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка,
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.
Ты прижал к вискам ладони,
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет в перепонках,
И далёк, далёк, далёк
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берёг.
И друзей и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...

Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне!
Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к лицу
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если всё пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки—бой идёт.
Встал один и бьёт с колена
Из винтовки в самолёт.

Трёхлинейная винтовка
На брезентовом ремне,
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.
Бой неравный, бой короткий.
Самолёт чужой, с крестом,
Покачулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.
Накреньясь, пошёл по кругу,

Кувыркается над лугом.
Не задерживай—давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит с испугом:
Что наделал невзначай.
Скоростной, воснный, чёрный,
Современный, двухмоторный
Самолёт—стальная снасть—

Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо...
— Видно, место прогадал.

— Кто стрелял?—звонят из штаба,—
Кто стрелял, куда попал?..

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
—Разыскать тотчас героя.
Кто стрелял?—

А кто стрелял?

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он—свой среди своих,—
Не зенитчик, и не лётчик,
А герой—не хуже их?

Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко,
Неизвестно отчего.
Виноваты, что ль, отчасти?

И сказал сержант спроста:
— Вот что значит—парню счастье,
Глядь—и орден! Как с куста.

Не промедливши с ответом,
Парень шутку в адрес шлёт:

— Не горюй, у немца этот
Не последний самолёт...

К этой шутке-поговорке
Сам добавил батальон:
— Молодец Василий Тёркин!—
Это был, понятно, он...

ХІІ. О ГЕРОЕ

— Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то—герой.

Сам собой, сказать, мальчишка,
Недолеток-стригунок.
И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идёт меж нами,
И спроси я с первых слов:
— Вы откуда родом сами,
Не из наших ли краёв?

Смотрит он:
— А вы откуда?
Отвечаю:
— Так и так,

Сам как раз смоленский буду,
Может, думаю, земляк?—
Аж привстал герой:
— Ну, что вы,
Что вы,—вскинул головой,—
Я как раз из-под Тамбова,—
И потрогал орден свой.

И умолкнул. И, похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне.
Что уж так они вовеки
Различаются места,
Что у них ручьи и реки
И сама земля не та.
И полянки, и пригорки,
И козявки, и жуки...

И куда ты, Васька Тёркин,
Лезешь сдуру в земляки.
Так ли, нет, сказать не знаю,
Только мне от мысли той
Сторона моя родная
Показалась сиротой,
Сиротинкой, что не видно
На народе, на кругу...
Так мне стало вдруг обидно,
Рассказать вам не могу.

Это да, что я не гордый
По характеру, а всё ж
Вот теперь, когда и орден
Нацепил, скажу я: врёшь!
Мы в землячество не лезем,
Есть свои у нас края.
Ты—тамбовский? Будь любезен!
А смоленский—вот он я.

Не иной какой, не энский,
Безыменный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет—
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.

Заведёт, задует сивая
Лихая борода:
Ты куда, моя красивая,
Куда идёшь, куда...

И ведёт, поёт, заяривает—
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.

И за ту одну старинную
За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
Сто раз бы я прошёл.

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона.

ХІІІ. ГЕНЕРАЛ

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе легио.
Опоясал фронт страну.

Где-то Ладога, а где-то
Дон—и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лёд.
Где-то яблоня цветёт,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемёт...

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда,
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...
Где-то, будто на задворке—
Будто знать про то не знал,—

На своём участке Тёркин
В обороне загорал.

У лесной глухой речушки,
Что катилась вдоль войны,
После доброй постирушки
Поразвесил для просушки
Гимнастёрку и штаны.

На припёке обнял землю,
Руки выбросил вперёд.
И лежит и так-то дремлет,
Может быть, за целый год.

И речушка—неглубокий
Родниковый ручеёк—
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моет камушки на дне.
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.

Я на речке ноги вымою,
Куда, реченька, течёшь?
В сторону мою родимую,
Может, где-нибудь свернёшь.

Может, где-нибудь излучиной
По пути зайдёшь туда.
И под проволокой колючею
Проберёшься без труда.

Меж немецкими окопами,
Мимо вражеских постов,
Возле пушек, в землю вкопанных,
Промелькнёшь из-за кустов.

И тропой своей исконною
Протечёшь ты там, как тут.
И ни пешие, ни конные
На пути не переймут.

Дотечёшь дорогой кружную
До родимого села.
На мосту солдаты с ружьями,—
Ты под мостиком прошла.

Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкой, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.

Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далёк,
Услышать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.

Помороженный, простуженный,
Отдыхает он, герой,
Битый, раненый, контуженный,
Да здоровый и живой...

Тёркин—много ли дремал он,
Землю-мать прижав к щеке,—
Слышит:
— Тёркин, к генералу
На одной давай ноге!

Посмотрел, поднялся Тёркин,
Тут связной стоит.
— Ну что ж,
Без штанов, без гимнастёрки
К генералу не пойдёшь.—

Говорит, чудит, а всё жс,
Сам, волнуясь и сопя,
Непросохшую одежду
Спешно пялит на себя.
Приросла к спине—не стронет.

— Тёркин, сроку пять минут...
— Ничего. С земли не сгонят,
Дальше фронта не пошлют.

Подзаправился на славу,
И хоть знает наперёд,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовёт,
Всё ж у главного порога
В генеральском блиндаже—
Был бы бог, так Тёркин богу
Помолился бы в душе.

Шутка ль, если разобьётся:
К генералу входишь вдруг.
Генерал—один на двадцать,
Двадцать пять, а может статься,
И на сорок вёрст вокруг.

Генерал стоит над нами,
Оробеть при нём не грех,
Он не только что чинами,
Боевыми орденами,—
Он годами старше всех.

Ты, обжѣгшись кашей, плакал,
Ты пешком ходил под стол,
Он тогда уж был воякой,
Он ходил уже в атаку,
Взвод, а то и роту вёл.

И на этой половине—
У передних наших линий,
На войне—не кто как он
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Честью, друг, считай не малой,
Заработанной в бою,
Услыхать от генерала
Вдруг фамилию свою.

Знай, за дело, за заслугу
Жмёт тебе он крепко руку
Боевой своей рукой.

— Вот, брат, значит, ты какой.
Богатырь. Орёл. Ну, просто—
Воин!—скажет генерал.—

И пускай ты даже ростом
И плечьями всего не взял,
И одет не для парада,—
Тут война—парад потом.
Говорят: орёл!—так надо
И глядеть и быть орлом.

Стой, боец, с достойным видом,
Поминай, в душе имей:
Генерал награду выдал—
Как бы снял с груди своей.

И к бойцовой гимнастёрке
Прикрепил немедля сам.
И ладонью:
— Вот, брат, Тёркин,—
По лихим провёл усам.
В скобках надобно, пожалуй,
Здесь отметить, что усы,
Если есть у генерала,
То они не для красы.

На войне ли, на параде
Не пустяк, друзья, когда
Генерал усы погладил
И сказал хотя бы:
— Да...
Есть привычка боевая,
Есть минуты и часы.
И не зря ещё Чапаев
Уважал свои усы.

Словом—дальше. Генералу
Показалось подконец,
Что своей награде мало
Почему-то рад боец.

Что ж, боец—душа живая,
На войне второй уж год...

И не каждый день сбивают
Из винтовки самолёт.
Молодца и в самом деле
Отличить расчёт прямой.

— Вот что, Тёркин: на неделю
Можешь с орденом—домой...

Тёркин—понял ли, не понял
Иль не верит тем словам,
Только дрогнули ладони
Рук, протянутых по швам.

Про себя вздохнув глубоко,
Тёркин тихо отвечал:
— На неделю мало сроку
Мне, товарищ генерал...—
Генерал склонился строго:
— Как так мало? Почему?
— Потому—трудна дорога
Нынче к дому моему.
Дом-то вроде недалечко,
По прямой пустышный путь.
— Ну, а что ж?
— Да я не речка,
Чтоб легко туда шмыгнуть.
Мне, nokрайности вначале,
Днём соваться не с руки.
Мне идти туда ночами,
Ну, а ночи коротки...—
Генерал, кивнув—понятно,
Дело с отпуском—табак,—
Пошутил:
— А как обратно
Ты пришёл бы?..
— Точно ж так...
Сторона моя лесная,
Каждый кустик мне—родня.
Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня.
Мне там каждая знакома
Бороздёнка под межей.

Я смоленский. Я там дома.
Я там свой, а он—чужой.
— Погоди-ка, ты без шуток,
Ты бы вот что мне сказал.—
И как будто в ту минуту
Что-то вспомнил генерал.

На бойца взглянул душевней
И сказал, шагнув к стене:
— Ну-ка, где твоя деревня,
Покажи по карте мне.

Тёркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно,—молвит,—это можно.
Вот он Днепр. А вот мой дом...

Генерал отметил точку.
— Вот что, Тёркин, в одиночку
Не резон тебе итти.
Потерпи уж, дай отсрочку,
Нам с тобою по пути.
Отпуск точно, аккуратно
За тобой, прошу учесть...

И боец сказал:
— Понятно.
И ещё добавил:
— Есть.
Встал по форме у порога,
Призадумался немного,
На секунду на одну.
Генерал усы потрогал
И сказал, поднявшись:
— Ну...

Скольких он, у карты сидя,
Словом, подписью своей,
Перед тем в глаза не видя,
Посылал на смерть людей.

Что же, всех и не увидишь,
С каждым к расстаням не выйдешь,
На прощанье всем нельзя
Заглянуть тепло в глаза.
Заглянуть в глаза, как другу,
И пожать покрепче руку,
И по имени назвать,
И удачи пожелать,
И, помедливши минутку,
Ободрить старинной шуткой:
Мол, хотя и тяжело,
А—между прочим—ничего...

Нет, на всех тебя нехватит,
Хоть какой ты генерал.

Но с одним проститься кстати
Генерал не забывал.

Обнялись они, мужчине
Генерал-майор с бойцом,
Как отец с любимым сыном
И как сын с родным отцом.

И бойцу за тем порогом
Предстояла путь-дорога
На родную сторону
Прямиком—через войну.

ХІУ. О СЕБЕ

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога вдаль.
Не мала была утрата,
Но светла была печаль.

И годами с грустью нежной—
Меж иных любых тревог—
Угол отчий, мир мой прежний
Я в душе моей берёг.

Да и не было помехи
Взять и вспомнить наугад
Старый лес, куда в орехи
Я ходил с толпой ребят.

Лес—ни пулей, ни осколком
Не пораненный ничуть,
Не порубленный без толку,
Без порядку как-нибудь.

Не корчёванный фугасом,
Не поваленный огнём,
Хламом гильз, жестянок, касок
Не заваленный кругом.
Блиндажами не изрытый,
Не застроенный зимой,
Ни своими не обжитый,
Ни чужими под землёй.

Милый лес, где я мальчонкой
Плёл из веток шалаши,
Где однажды я телёнка,
Сбившись с ног, искал в глуши...
Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.
Лист к листу, листом прикрытый
В сборе листовенном густом,
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождём.
И в глуши родной ветвистой,
И в тиши дневной лесной
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.
И в спокойной чаще хвойной,
У земли мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.
И в истоме птицы смолкли,
Светлой каплею смола
По коре нагретой ёлки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть ~~или~~ нет?

Детства день, до гроба милый,
Детства сон, что сердцу свят,
Как легко всё это было
Взять и вспомнить год назад.

Вспомнить разом, что придётся—
Сонный полдень над водой,
Дворик, стёжку до колодца,
Где песочек золотой,
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лёд на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет...

Чтобы с лаской, хоть не детской,
Вновь обнять старуху-мать,
Не под проволокой немецкой
Нужно было проползать.
Чтоб со взрослой грустью сладкой
Праздник встречи пережить—
Не украдкой, не с оглядкой
По родным лесам кружить.

Чтоб сердечным разговором
С земляками встретить день—
Не нужда была, как вору,
Под стеною прятать тень...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край, страдающий в плену.
Я приду—лишь дня не знаю,
Но приду, тебя верну.
Не звериным робким следом
Я приду, твой кровный сын,
Вместе с нашей победой
Я иду, а не один.
Этот час не за горою,
Для меня и для тебя...

А читатель той порою
Скажет:

— Где же про героя,
Это больше про себя.

Про себя? Упрёк уместный
Может быть, меня пресек.

Но давайте скажем честно:
Что ж, а я не человек?
Спорить здесь нужды не вижу,
Сомневайся в чём другом.
Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.
Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
Мать, отец, родные сёстры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли в праве
И кричать с тоски крутой
То, что я всем сердцем славил
И любил—за той чертой.
Друг мой, так же нелегко мне,
Как тебе с глухой бедой.
То, что я хранил и помнил,
Чем я жил—за той, за той—
За неписанной границей,
По́перёк страны самой,
Что горит, горит в зарницах
Вспышек летом и зимой...

И скажу тебе, не скрою,—
В этой книге там ли, сям
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.
Я за всё кругом в ответе,
И заметь, коль не заметил,
Что и Тёркин, мой герой,
За меня гласит порой.
Он земляк мой и, быть может,
Хоть ни мало не поэт,
Всё же как-нибудь похоже
Размышлял. А нет, ну—нет.

Тёркин—дальше. Автор—вслед.

Х V. БОЙ В БОЛОТЕ

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведём,
Был, прошёл, забылся скоро,
Да и вспомнят ли о нём.

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелгла путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь по грудь;
Где брели бойцы понуро,
И, скользнув с бревна в ючи,
Артиллерия тонула,
Увязали тягачи,—

Этот бой в болоте джком
На втором году войны
Не за город шёл великий,
Что один у всей страны;

Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населённый пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нём осталось, ровным счётом,
Обгорелых три трубы.

Там с открытых и закрытых
Огневых—кому забыть—
Было бито, бито, бито,
И—казалось—что там бить?

Там в щёбёнку каждый камень,
В щепки каждое бревно.
Называлось там Борками
Место чёрное одно.

А в окружку—мох, болото,
Край от мира в стороне.
И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шёл?

Бился ль ты в горах Кавказа,
Или пал за Сталинград,
Мой земляк, ровесник, брат,
Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат?
Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеко,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский, Борки?

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,

Виноватого, бывало,
Там, попробуй, поищи.

Артиллерия толково
Говорит, она права:
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А ещё сложнее счёты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела олять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнёт рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

Так идёт оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласьи все подряд
Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь,—красота!
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из миномётов—
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
Шлёт посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждёшь за кочкой,
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянёт болото,
Не мечтает о другом—
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь ещё расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки
Козью ножку завернуть.

И ни спичек, ни махорки—
Всё раскисло от воды.

— Согласись, Василий Тёркин,
Хуже нет уже беды?—
Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.
Губы—то ли от черники,
То ль от холода—черны.

Говорит:
— В своём болоте
Ты находишься сейчас.
Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе:
У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

У тебя, в тылу ль, на фланге,—
Сам не знаешь, как силен,—
Бронебойки, пушки, танки,—
Ты, брат, это—батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь—
Фронт. Россия. Наконец
Я скажу тебе короче
И понятней: ты боец.

Ты в строю, прошу усвоить,
А быть может, год назад
Ты бы здесь изведал, вояка,
То, что наш изведал брат.

Ноги б с горя не носили:
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?

И однажды б ночью поздно,
От деревни в стороне,
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной конне...

Тут, озноб вдувая в душу,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше
И—разрыв.

За ним—другой...

— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.

— Он—такой...

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рванный лист, кружась лениво,
Ветки сбитые летят...

Тянет всех, зовёт куда-то,
Уходи, беда вот-вот...

Только Тёркин:

— Брось, ребята,
Говорю, не попадёт.

Сам сидит, как будто в кресле,
Всех страшует от огня.

— Ну, а если?..

— А уж если...

Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьёзно
Рассуждаю о войне.
Вот лежишь ты в той бесхозной,
В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты
Полверсты—ни дать, ни взять.
И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копушки вяжут сено,
Той, где ты нашёл приют,
Уминают под колено
И поют. И что ж поют!

Хлопцы, верьте мне, не верьте,
Только врать не стал бы я,
А поют, худые черти,
Сам слышал: «Москва моя».

Тут состроил Тёркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

До того тянул он криво
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно—печёнки вои.

— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда
Эту песню,—ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеёшься ты сегодня,
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не певец-то, это верно,
Это ясно, час не тот...
А деревню-то, примерно,
Вот берём,—не отдаёт.

И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берёт,
Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул.

— Ого, сынок,—
Подивился Тёркин вздоху,
Посмотрел.—Ну, ну!—сказал,—
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах, ты, Тёркин. Ну и малый!
И в кого ты удался?
Только мать, наверно, знала?
— Я от тётки родился.

— Тёркин-тёткин, ёлки-палки,
Сыпь ещё, назло врагу.

— Не могу. Таланта жалко.
До бомбёжки берегу.
Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.
— На здоровье. В добрый час...

ЗаклЮчить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?

Что с удачей постоянной
Тёркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил?

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долог до тоски—
Летний бой за этот самый
Населённый пункт Борки.

И покуда где-то в сводке,
Близ иной какой строки
Промелькнул строкой короткой
Населённый пункт Борки,—

Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.

— Но, позвольте, скажут снова,—
Так о чём тут речь идёт?

— Речь идёт о том болоте,
Где война стелила путь,
Где, вода была пехоте
По коленю, грязь—по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно,—в счёт, не в счёт—
Шли, ползли, лежали наши
Днём и ночью напролёт;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков—
Населённый пункт Борки.

И в бою полубезвестном,
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славой золотой,
День придёт—ещё повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны—
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны;
Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки;
Кто за тот, забытый ниле,
Населённый пункт Боржи.

И Россия—мать родная—
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная—
Жизнь одна и смерть одна.

Х VI. О ЛЮБВИ

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.
Не подарок, так бельё
Собрала, быть может,
И что дольше без неё,
То она дороже.
И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь, попробуй.
Обойдись в пути большом
Глупой славы ради
Без любви, что видел в нём,
В том прощальном взгляде.
Он у каждого из нас
Самый сокровенный
И бесценный наш запас,
Неприкосновенный.

Он про всякий час, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться.
Потому—он мой, он весь—
Мой, святой и скромный.
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.
И не принято родной
Сетовать напрасно.
В срок иной, в любви иной
Мать сама была женой,
С тем же правом властным.

Да, друзья, любовь жены—
Кто не знал, проверьте—
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.
Ты ей только не перечь
Той любви, что в праве
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

Вновь достань листок письма,
Перечти сначала.
Пусть в землянке полутьма,
Ну-ка, где она сама
То письмо писала?
При каком на этот раз
Примостилась свете?
То ли спали в этот час,
То ль мешали дети.
То ль болела голова

Тяжко, не впервые,
От того, брат, что дрова
Не горят сырые?..
Впряжена в тот воз одна,
Разве не устанет?
Да зачем тебе жена
Жаловаться станет?
Жёны думают, любя,
Что иное слово
Всё ж скорей найдёт тебя
На войне живого.
Нынче жёны все добры,
Беззаветны вдосталь,
Даже те, что до поры
Были ведьмы просто.

Смех—не смех, случилось мне
С жёнами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.
Чем томиться день за днём
С той женою-крошкой,
Лучше ползать под огнём
Или под бомбёжкой.
Лучше, пять пройдя атак,
Ждать шестую в сутки.
Впрочем, это только так,
Только ради шутки.

Нет, друзья, любовь жены,
Сотню раз проверьте,
На войне сильнее войны
И, быть может, смерти.
И одно сказать о ней
Мы б могли вначале:
Что короче, что длинней—
Та любовь, война ли?

Но бестрепетно в лицо
Глядя всякой правде,
Я замолвил бы словцо
За любовь, представьте.
Как на жизнь война ни шла,

Сколько ни пахала,
Но любовь пережила
Срок ее немалый.

И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далёких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже.
И не зря зываю я
К жёнам настоящим:
— Жёны, милые друзья,
Вы пишите чаще.
Не ленитесь к письмецу
Приписать что надо.
Генералу ли, бойцу,
Это—как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви—далёкий.
И её большому дню
Сроки близки ныне.
А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.
Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.
Но хотя и жалко мне,
Сам помочь не в силе,
Что остался в стороне
Тёркин мой Василий.

Не случилось никого
Проводить в дорогу.
Полюбите вы его,
Девушки, ей-богу.

Любят лётчиков у нас,
Конники в почёте.

Обратитесь, просим вас,
К матушке-пехоте.

Пусть тот конник, на коне,
Лётчик в самолёте,
И, однако, на войне
Первый ряд—пехоте.

Пусть танкист красив собой
И горяч в работе,
А ведёшь машину в бой—
Поклонись пехоте.

Пусть форсист артиллерист
В боевом расчёте,
Отстрелялся—не гордись,
Дела суть—в пехоте.

Обойдите всех подряд,
Лучше не найдёте!
Обратите нежный взгляд,
Девушки, к пехоте.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Верно полюбите.

XVII. ОТДЫХ ТЕРКИНА

На войне,—в пути, теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,—
Там, где случай приведёт,—
Лучше нет—как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть. Минут шестьсот.

Даже больше б не мешало,
Но солдату на войне
Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.

И представь, что вдруг, покинув
В некий час передний край,
Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.
Мы здесь вовсе не желаем

Шуткой той блеснуть проста,
Что, мол, рай с передним краем—
Это смежные места.

Рай по правде. Дом. Крылечко.
Везик—ноги обметай.
Дальше горница и печка—
Всё, что надо. Чем не рай?

Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи.
И плечьми у тёплой печи
На свободе поведи.
Осмотришься вокруг детально.
Вон—в ряду—твоя кровать.
И учти, что это—спальня,
То есть место специально
Для того, чтоб только спать.

Самолично, безраздельно
Занимать кровать свою,
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.

И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,
Ты, помимо сна, обязан
Пйщцу в день четыре раза
Принимать. Но как!—вопрос.

Всех привычек перемена
По началу тяжела.
Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола.

И никто в раю не может
Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корёжить хлеб штыком.

И такая установка
Строго-настрога дана:

Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.

И, в ущерб своей привычке,
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
Или—так вот—рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь ещё, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

Все такие оговорки
Разобрав, поняв путём,
— Что ж,—решил Василий Тёркин,—
Как-нибудь, не пропадём...

Вот обед прошёл и ужин.
— Как вам нравится у нас?
— Ничего. Немножко б хуже,
То и быю б в самый раз.

Покурил, зевнул и—набок.
Как-то странно голове.
Простыня—пускай одна бы,
Нет так на, мол, сразу две.

Чистота—озноб по коже,
И неловко, что здоров,
А до крайности похоже,
Будто в госпитале вновь.
Бережет плечо в кровати,
Головой не повернёт.

Вот и девушка в халате
Совершает свой обход.

Двое справа, трое слева
К ней разведчиков тотчас.
А она—
Как королева:
Мол, одна,
А сколько вас.

Тёркин смотрит сквозь ресницы:
О какой там речь красе.
Хороша, как говорится,
В прифронтовой полосе.
Хороша при смутном свете,
Дорога, как нет другой.
И, видать, ребята эти
Отдохнули день-другой...

Сон-забвенье на пороге,
Ровно, сладко дышит грудь.
Ах, как холодно в дороге
У объезда где-нибудь.
Как прохватывает ветер.
Как луна теплом бедна.
Ах, как трудно всё на свете:
Служба, жизнь, зима, война.

Как тоскует о постели
На войне солдат живой.
Что ж не спится, в самом деле,
Не укрыться ль с головой?

Полчаса и час проходит,
С боку на бок, навзничь, ниц.
Хоть убейся—не выходит.
Все храпят, а ты казись.

То ли жарко, то ли зябко—
Не понять, а сна всё нет.

— Да надень ты, парень, шапку,—
Вдруг дают ему совет.

Разъясняют:

— Ты не первый,
Не второй страдаешь тут.
Поначалу наши нервы
Спать без шапки не дают.—
И едва надел родимый
Головной убор солдат,
Боевой, пропахший дымом
И землёй, как говорят;

Тот, обношенный на славу
Под дождём и под огнём,
Что ещё колючкой ржавой
Как-то прорван был на нём;
Тот, в котором жизнь проводишь,
Не снимая,—так хорош!—
И когда ко сну отходишь,
И когда на смерть идёшь,—

Видит, нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чём резон:
Как-то вдруг согрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше—
И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока
С чувством редкостным—точь-в-точь,
Словно где-нибудь далёко
Побывал за эту ночь.
Словно выкупался где-то,
Где—хоть вновь туда вернись—
Не зима была, а лето,
Не война, а просто—жизнь.
И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Посудите сами, братцы,
Кто б чудней придумать мог:
Раздеваться, разуваться
На такой короткий срок.
Тут обвыкнешь-то, и крышка,
Чуть покинешь этот рай.
Лучше скажем: передышка.
Больше время не теряй...

Закусил, собрался, вышел,
Дело было на мази.

Грузовик идёт, слышал,
Голосует: «Подвези».

И четыре пуда груза
Добавляя по пути,
Через борт ввалился в кузов,
Постучал.
— Давай. Крути.

Ехал—близко ли далёко,
Кому надо вымеряй—
Только рай прощай до срока,
И опять—передний край.

Соскочил у поворота,
Вот и дома, у огня.

— Ну, докладывайте, что тут,
Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же
Не занятно знать сейчас,
Как там что...

— Немножко б хуже,
Верно, было б в самый раз.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не стану зря.

Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Как дойдём до той границы
По Варшавскому шоссе,
Вот тогда, как говорится,
Отдохнём. И то не все.

А пока—в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,—
Где нам случай приведёт,
Лучше нет—как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь вот так друг к другу,
Отдохнуть. А там—вперёд.

ХVIII. В НАСТУПЛЕНЬИ

Столько жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли, бывало, кони,
Как в селе, на водопой.

И на весь тот лес обжитый
И на весь передний край,
У землянок домовитый
Раздавался пёсий лай.

И прижившийся надиво
Петушок—была пора—
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.

И во славу зимних буден
В бане—пару не жалей—
Секлись вениками люди
Вязки собственной своей.

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили, «Тёркина» читали
На доёуге.

Вдруг—приказ...

Вдруг—приказ, конец стоянке.
И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.

И уже обыкновенно
То, что минул целый год,
Точно день. Вот так, наверно,
И война и всё пройдёт.

И солдат мой поседельй,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой!

И с печалью горделивой
Он начнёт в кругу внучат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят...

Бой в разгаре. Дымкой синей
Серый снег заволокло.
И в цепи идёт Василий,
Под огнём идёт в село.

И до отчего порога,
До родимого села
Через то село дорога—
Не иначе—пролегла.

Что поделаешь, иному
И ещё кружнее путь.
И идёт иной до дому
То ли стелью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнёт в дугу.
Цель идёт, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно, что Тёркин тут.

Хорошо—хотя ознобцем
Пронимает под огнём—
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нём.
Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берёт разбег,
Тёркин так же ждёт разрыва,
Камнем кинувшись на снег;

Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила
Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,
До вот этой бороздки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой,
Человек. Лежит и ждёт...

Где-то там, за полем брашным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

Где-то там в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал.
Хлопнул крышкой, точно дверкой..
Поднял шапку, вытер пот...
И дождался, слышит Тёркин:
— Взвод! За родину! Вперёд!..

И хотя слова он эти—
Клич у смерти на краю—
Сотни раз читал в газете
И не раз слышал в бою,—

В душу вновь они вступали
С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой,

С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведёт,
Что за всё ответ священный
На себя уже берёт...
— Взвод! За родину! Вперёд!..

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,—
По-мальчишечьи усатый,
Весельчак, плясун, казак,—
Первым встал, стреляя с ходу,
Побежал вперёд со взводом,
Обходя село с задов.
И пролёт уже далёко
След его в снегу глубоком—
Дальше всех в цепи следов.
Вот уже у крайней хаты.

Поднял он ладонь к усам:
— Молодцы! Вперёд, ребята!—
Крикнул так молодцевато,
Словно был Суворов сам.

Только вдруг вперёд подался,
Оступился на бегу,
Чёткий след его прервался
На снегу...

И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка, с лодки в вир.
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен. Ранен командир!..

Подбежали. И тогда-то,
С тем и будет не забыт,
Он привстал:
— Вперёд, ребята!
Я не ранен. Я—убит!..

Край села, сады, задворки—
В двух шагах, в руках вот-вот...

И увидел, понял Тёркин,
Что вести его черёд.

— Взвод! За родину! Вперёд!..
И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ—одна душа...

Если есть в бою удача,
То в походе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.
— Шли сапёры молодцом.
— Артиллерия давно
Не ударит в грязь лицом.

— А пехота?
— Как по нотам,
Шла пехота. Ну, да что там.
— Авиация—и та...
Словом, просто красота!

И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит.
Столько сыщется героев,
Что—глядишь—один забыт.

Но для точности примерной,
Для порядка, генерал,—
Кто в село ворвался первым—
Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:
Мол, такой-то взял село,
Но не смог явиться лично,
Так как ранен. Тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имен—
Тёркин—вырвалось—Василий.—
Это был, не кто как он.

ХІХ. ТЁРКИН—ТЁРКИН

Чья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся—дело свято,
По пословице солдата,
Тому надо обогрев.

Делю свято—чья там хата,
Кто их нынче разберёт.
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.

На полу тебе солома,
Задремалось—так ложись.
Не у тещи и не дома,
Не в раю, однако—жизнь.
Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет,
Всю ощупывает строго,
Узнает—его иль нет.

Тот, шинель смахнув без страха,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.
— Не один ты, братец, здесь,
— Отклонитесь, хлопцы. Темень.
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче он уже не тот.

— Ну, брат, он ещё даёт,
Отпускает, не скупится.
— Все же с прежним не сравнится,—
Снял сапог с одной ноги...
— Дело ясное: беги!

— Охо-хо, война, ребятки!
— А ты думал? Вот чудаки!
— Лучше нет—чайку в достатке,
Хмель, он греет, да не так.

— Это чья же установка
Греться чаем? Вот и врешь.
— Эй, не ставь к огню винтовку.
— А ещё кулеш хорош...

Опрокинутый истомой,
Тёркин дремлет на спине,
От беседы в стороне.
Так ли, сяк ли—Тёркин дома,
Тёркин снова на войне...

Это раненым известно,
Воротись хоть в полк родной—
Всё не то: иное место
И народ уже иной.
Прибаутки, поговорки
Не такие ловит слух...
— Где-то наш Василий Тёркин?—
Это слышит Тёркин вдруг...

Привстаёт, шурша соломой,
Что там дальше—подстеречь.
Никому он незнакомый,
И о нём как будто речь.

Но сквозь шум и гам весёлый,
Что кипел вокруг огня,
Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?..

— Про тебя?

Без оговорки

Тот опять:

— Само собой.

— Почему?

— Так я же Тёркин.—

Это слышит Тёркин мой.

Что-то странное творится,

Непонятное уму.

Повернулись тотчас лица

Молча к Тёркину. К тому.

Люди вроде оробели:

— Тёркин лично?

— Я и есть.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Хлопцы, хлопцы, Тёркин здесь!

— Не свернёте ли махорки?—

Кто-то вытащил кисет.

И не мой, а тот уж Тёркин

Говорит:

— Махорки? Нет.

Тёркин мой—к огню поближе,

Отгибает воротник.

Поглядит, а он-то рыжий

Тёркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки

Тёркин выкурил второй,

И не встрял бы, может, Тёркин,

Промолчал бы мой герой.

Но поскольку водит носом,

Задаётся человек,

Тёркин мой к нему с вопросом:

— А у вас, небось, «Казбек»?

Тот, шинель смахнув без страха,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.
— Не один ты, братец, здесь,
— Отклонитесь, хлопцы. Темень.
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче он уже не тот.

— Ну, брат, он ещё даёт,
Отпускает, не скупится.
— Все же с прежним не сравниться,—
Снял сапог с одной ноги...
— Дело ясное: беги!

— Охо-хо, война, ребятки!
— А ты думал? Вот чудак!
— Лучше нет—чайку в достатке,
Хмель, он греет, да не так.

— Это чья же установка
Греться чаем? Вот и врѣшь.
— Эй, не ставь к огню винтовку.
— А ещё кулеш хорош...

Опрокинутый истомой,
Тёркин дремлет на спине,
От беседы в стороне.
Так ли, сяк ли—Тёркин дома,
Тёркин снова на войне...

Это раненым известно,
Воротись хоть в полк родной—
Всё не то: иное место
И народ уже иной.
Прибаутки, поговорки
Не такие ловит слух...
— Где-то наш Василий Тёркин?—
Это слышит Тёркин вдруг...

Привстаёт, шурша соломой,
Что там дальше—подстеречь.
Никому он незнакомый,
И о нём как будто речь.

Но сквозь шум и гам весёлый,
Что кипел вокруг огня,
Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?..

— Про тебя?

Без оговора

Тот опять:

— Само собой.

— Почему?

— Так я же Тёркин.—

Это слышит Тёркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.
Повернулись тотчас лица
Молча к Тёркину. К тому.

Люди вроде оробели:

— Тёркин лично?

— Я и есть.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Хлопцы, хлопцы, Тёркин здесь!

— Не свернёте ли махорки?—

Кто-то вытащил кiset.

И не мой, а тот уж Тёркин

Говорит:

— Махорки? Нет.

Тёркин мой—к огню поближе,

Отгибает воротник.

Поглядит, а он-то рыжий

Тёркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки

Тёркин выкурил второй,

И не встрял бы, может, Тёркин,

Промолчал бы мой герой.

Но поскольку водит носом,

Задаётся человек,

Тёркин мой к нему с вопросом:

— А у вас, небось, «Казбею»?

Тот помедлил чуть с ответом,
Мол, не понял ничего...
— Что ж, трофейной сигаретой
Угощу.—

Возьми его!

Видит мой Василий Тёркин,—
Не с того зашёл конца.
И не то, чтоб чувством горьким
Уколело молодца,—
Не любил людей спесивых.
И, обиду затая,
Он сказал, вздохнув лениво:
— Всё же Тёркин—это я.

Смех, волнение.

— Новый Тёркин!
— Хлопцы, двое.
— Вот беда...
— Как дойдёт их до пятёрки,
Разбудите нас тогда.

— Нет, брат, шутишь,—отвечает
Тёркин тот, поджав губу,—
Тёркин—я.

— Да кто их знает,—
Не написано на лбу.

Из кармана гимнастёрки
Рыжий—книжку:
— Что ж я вам...

— Точно: Тёркин...
— Только Тёркин
Не Василий, а Иван.

Но, уже с насмешкой глядя,
Тот ответил моему:
— Ты пойми, что рифмы ради
Можно сделать хоть Фому.

Этот выдыхнул затяжку:
— Да, но Тёркин-то—герой.

Тот шинелку нараспашку:
— Вот вам орден, вот другой.
Вот вам Тёркин-бронейщик,
Верьте слову, не молве.
И машин подбил я больше—
Не одну, а целых две...—
Тёркин будто бы растерян,
Грустно щурится в огонь.
— Я бы мог тебя проверить,
Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:
— Гармонь найдётся.
Есть у старшего.
— Не тронь.
— Что не тронь?
— Смотри, проснётся.
— Пусть проснётся.
— Есть гармонь!

Только взял боец трёхрядку,
Сразу видно: гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

И к мехам припал щекою,
Строг и важен, хоть небрит.
И про вечер над рекою
Завернул, завёл навзрыд...

Тёркин мой махнул рукою:
— Ладно. Можешь,—говорит.—
Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Тёркину нейдёт.

— Рыжих девки больше любят,—
Отвечает Тёркин тот.—
Тёркин сам уже хохочет,
Сердцем мягким наделён,
И не так уже хлопочет
За себя,—что Тёркин он.

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним.
Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Тёркин:
— Сделай милость,
Будь ты Тёркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я...

А тот:
— Зачем?..

— Кто же Тёркин?

— Ну и лихо...—
Хохот, шум, неразбериха.

Встал какой-то старшина
Да как крикнет:
— Тишина!

Что вы тут не разберёте?
Не поймёте меж собой?
По уставу, каждой роте
Будет придан Тёркин свой.
Слышно всем? Порядок ясен?
Жалоб нету? Ни одной?
Разойдись.—

И я согласен
С этим строгим старшиной.
Я бы, может быть, и взводам
Придал Тёркина в друзья...
Впрочем, всё тут мимоходом,
К разговору, вставил я.

О Т А В Т О Р А

Бликий, дальний ли, знакомый,
Незнакомый, да родной,
Друг-читатель, ты не дома,
Ты среди огня и грома,
Ты в дорогу взят войной.

На путях ли в эшелоне,
В той теплушке на союме,
У шоссе ль под деревцом,
У моста ль в одной колонне,
Как любой боец с бойцом,—

Мы встречались на минутку—
Затянуться самокруткой,
Без отлучки от колёс,
Мы с тобой всерьёз и в шутку
Говорили. Как пришлось.

Не взыщи, что собеседник
В чём, быть может, не силён.

Как закуркою последней,
Всем с тобой делился он.

Больше б рад, да дело к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То есть Тёркина слова:

«Я не то ещё сказал бы—
Про себя поберегу.
Я не так ещё сыграл бы,
Жаль, что лучше не могу...»

Что ж ещё? И всё, пожалуй.
Словом, книга про бойца,
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
Осень, зиму, вёсну, лето
За тобою на войне
По моей прошла вине.

И когда б меня спросили:
Что же Тёркин твой Василий,
Тёркин, в бой поведший взвод,
Тёркин, раненный вторично,—
Что ж он, Тёркин, как обычно,
Дальше—больше вверх пойдёт?

По заслугам, по талантам,
По ухватке и уму—
Не сержантом, лейтенантом,
Может, вскоре быть ему?

И примеров есть не мало,
И, как водится оно,
Может быть, до генерала
Дорасти ему дано?

Иль свернёт с дороги ратной
В жизнь на отдых инвалид?
Или так же вероятно,
Чтобы Тёркин был убит?

Мне, по правде, очень жалко,
Что уклончив мой ответ,
Но писатель—не гадалка,
Да и тем-то веры нет.

Близкий, дальний ли, знакомый,
Незнакомый, да родной,
Друг-читатель, мы не дома,
Мы среди огня и грома,
Мы в одном пути с войной.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит—
И того сказать нельзя.

И гадать неловко, право,
На трефовом короле.
И не карты на столе...

Страшный бой идёт кровавый,
Смертный бой—не ради славы,
Ради жизни на земле.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	5
I. На привале	8
II. Перед боем	15
III. Переправа	22
IV. О войне	29
V. Тёркин ранен	32
VI. О награде	40
VII. Гармонь	42
VIII. Два солдата	49
IX. О потере	56
X. Поединок	61
От автора	68
XI. Кто стрелял?	72
XII. О герое	78
XIII. Генерал	81
XIV. О себе	89
XV. Бой в болоте	93
XVI. О любви	102
XVII. Отдых Тёркина	107
XVIII. В наступлении	113
XIX. Тёркин — Тёркин	119
От автора	125

Редактор Е. Трошенко

Подписано к печати 27/VI 1944 г. А-7881.
Тираж 25 000. 4 печ. л. 5,54 уч.-авт. л.
Зак. № 1486. Цена 5 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» треста
«Полиграфкнига» Огиза при СНК РСФСР. Москва,
Краснопролетарская, 16.

